

В тот вечер Мэрилин призналась ей, что не понимает смысла поцелуя

Некоторые ее мужчины говорят, что она была холодна, однако одна женщина утверждала обратное. Как бы там ни было, 1 июня великой актрисе исполнилось бы 67 лет...

...ЕСЛИ ЗАБЕЖАТЬ в конце всей этой истории, то можно было бы попасть в Рим шестьдесят первого года — вечеринка кинозвезд, где мы с вами узнаем, пожалуй, только Федерико Феллини. Потом мы увидим, как высокая, красивая, но как бы слегка изможденная женщина, извинившись, поднимается из-за стола. «Кто это с тобой?» — спрашивает Феллини ее спутника, которого давненько знает.

— Это Наташа Литесс, женщина, сотворившая Мэрилин Монро.

Когда она возвращается, Федерико целует ее руку и приглашает на танец.

И она идет, хотя знает, что надо экономить каждое движение, ведь жить ей осталось считанные недели...

Если вам доведется когда-нибудь попасть в Лос-Анджелес, то вы не сможете не обратить внимание на то, как много здесь красивых девушек и юношей — продавцы, водители, горничные, чернорабочие, официанты, секретарши... Но не спешите приписывать этому городу пальму первенства по красоте населения — все эти люди не родились в нем, а съезжались в Лос-Анджелес со всего мира для того, чтобы поймать свое счастье.

Но найти его можно, только пройдя через фабрику, на которой делают счастье.

Как вы уже догадались, она называется Голливуд.

...ТОЧНО ТАК, как все эти красивые мальчики и девочки, сорок семь лет назад ступила на эту священную землю юная Монро. И так же, как все эти мальчики и девочки, она была готова на все.

Обладая роскошным телом, Монро довольно быстро ступила на первую ступеньку лестницы, ведущей на Олимп, — ее заметили, подписали с ней контракт на 125 долларов в неделю и отправили в офис к умной и красивой женщине на предмет определения и ее перспектив, и того, какими способами этих перспектив добиться.

Они сидели друг против друга, и Мэрилин думала о том, что вся ее дальнейшая жизнь зависит от того, сможет ли она «этой стерве понравиться». А Наташа думала: «Неужели ее прекрасному телу не тесно в таком дурацком платье? И почему, интересно, эта девушка не надевает под него нижнее белье?»

Определенно — эта Монро ее раздражала.

Но что-то, что-то все же ее останавливало...

Любопытство Наташи вызывал и бумажный пакет из супермаркета, который стоял у ног Монро на каждом занятии, и автомобили — всякий

раз разные, — которые ждали ее за окном: «Скажите, Мэрилин, что у вас в пакете?» — не выдержала она однажды и увидела ночную рубашку, зубную щетку, домашние тапочки, косметику, таблетки, бигуди, бюстгалтер и выходные туфли. Все свое носить с собой — для начинающей, бездомной актрисы в Голливуде было не только удобно, но и необходимо: никогда не знаешь, на чей шесток опустишься к ночи. И вот на тебе — могущественная Наташа Литесс предлагает ей крышу над головой — свою крышу. Ей «просто стало жалко бездомную девушку», — так она утверждала до конца жизни. И еще утверждала, что три года они жили с Мэрилин в ее доме, как сестра с сестрой, занимались пластикой, речью, воспитанием, а греху поддались только спустя три года... В тот вечер Мэрилин призналась ей, что не понимает сути, смысла поцелуя. И Наташа ей показала. Да так профессионально, со страстью, что после него девушки стали любовниками.

Мэрилин поднималась не раньше одиннадцати, долго и бесцельно ходила совершенно обнаженной по дому, но Наташа замечала, что путь ее пролегал мимо зеркал. Потом час блаженствовала в ванне. А Наташа гадала: ну какой очередной ее мужик посягнет на их счастье? Ей было все трудней и трудней с ними справляться — их резко повышающаяся «крутизна» отражала бешеный взлет карьеры ее подопечной, смиренно говорившей совсем недавно в ее кабинете: «Я сделаю все, что вы мне скажете».

ТЕПЕРЬ НЕ СДЕЛАЕТ. Теперь, когда она стала настоящей женщиной, нет — сумасшедшей, фантастической женщиной, да еще и с собственными миллионами, теперь Наташа все чаще и чаще отходит на второй план и переживает ее романы: любов-

ника-шофера Нормы Джин она не знала вообще. Фредди Каргер, дирижер оркестра, не мог предложить нищей Мэрилин ничего, кроме постели, даже крышки.

А вот Джонни Хайд, агент агентов, знал в Голливуде все ходы и выходы, водил Мэрилин по самым престижным тусовкам, знакомил с кем надо, одевал, кормил по высшему классу — это при нем Монро стала получать одну за другой маленькие роли.

Когда Джонни увидел, что выпустил Джинна из бутылки, было уже поздно; но Наташе не пришлось с ним бороться — он умер от инфаркта.

Смерть Джонни сблизила их еще больше — Мэрилин менялась просто на глазах, она уже не ковыряла ногтем между зубами, не говорила и двигалась грубовато, она научилась своему легендарному шепоту, жестам и улыбкам, сводящим с ума в одну секунду. И совершенно естественно, что в одно прекрасное утро в их дом внесли два букета роскошных желтых роз от самого Ховарда Хьюза, голливудского магната.

Один букет предназначался Наталье, другой — Мэрилин. Было ясно, что это предложение любовного «раздела спорной территории». Наташе не оставалось ничего другого, как только смириться, тем более что не успели бутон роз как следует открыться, Хьюз позвонил и пригласил на прогулку — обеих. Прогулка оказалась оригинальной — по небу в самолете, который вел он сам. Уже в воздухе он спросил Мэрилин, куда бы она хотела слетать. В эту секунду Наташа поняла, что по одному слову подруги миллиардер полетит хоть в Антарктиду. Когда же Наташа увидела, что в самолете есть и гостиния, и спальня, ей стало Хьюза даже немножко жалко. Однако тот быстро на-верстал свое — приезжал к

ним в дом часто, правда, всегда тайно, ночью, и скоро Наташе это надоело: «Меня оскорбляло то, что МОЯ МЭРИЛИН (выделено Литесс. — Ю. Г.) легко отдавалась ему, что принадлежала хоть на время не мне...» И Наташа потребовала: «Или я, или он». И тут она, конечно, «перегнула палку», прекрасно сознавая, что, поскольку Мэрилин не «врожденная» лесбиянка, а вынужденная, ее выбор между «учителем драмы» и магнатом кино будет однозначен. Пришлось помучиться, пока их роман не умер сам собой.

И опять пошли недели блаженства вдвоем, в которые Наташа вдруг понимает: «Мэрилин никогда не почувствует себя в своей тарелке рядом со мной, если не будет ощущать свою сексуальность на том же уровне, что и я». И тут уж Литесс взялась всерьез за сексуальное образование Монро: «Когда ты собираешься съесть экзотический фрукт, ты сначала вдыхаешь носом его аромат, видишь глазом его чудесную форму и цвет, пробуешь языком его на вкус... ты используешь все органы чувств, чтобы получить максимум удовольствия...» «О, Боже, — выпалила пораженная Мэрилин, — я бесчувственна, потому что никогда об этом не думала!..»

И Монро, звезда Монро, сексуальный символ Монро, обложилась... книгами и самими учителями по сексу!

ЕСТЕСТВЕННО, что эти успехи не могли не отразиться и на экране — Мэрилин стала самым совершенством, и Америка, и весь остальной мир лежали у ее ног.

И именно в этот миг им пришлось расстаться — наверное, они обе «выработали свой ресурс»: чуть ли не полтора десятка лет продолжался этот самый длинный роман в жизни Мэрилин Монро.

Наташа Литесс умерла от рака за год до загадочной смерти своей возлюбленной. Умерла так быстро, что не успела написать книгу, да и не могла она этого сделать при живой и могущественной М. М., добравшейся, наконец, до самого президента. Но она успела кое-что рассказать. И последними строками ее рассказа были такие:

— Я до сих пор люблю Мэрилин. Все, что я рассказала вам, сенатор Орландо, лишь бледная тень того, что мы испытали вдвоем... Весь секрет в том, что даже Мэрилин думала, что я лесбиянка, а ведь мой роман с ней был самым первым — с женщиной... Мне не важно, сенатор Орландо, насколько вы мне верите. Мне важно, что эта любовь умрет со мной.

С НАТАШЕЙ умерла не только эта ее любовь, но и последняя надежда на то, что мир узнает правду о том, была ли она на самом деле...

Юрий ГЕЙКО.